

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

VOL. XIX. No. 6013.

SUNDAY, JULY 14, 1929.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 14 ИЮЛЯ 1929

АНТОН ЧЕХОВ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Из всех современных писателей Антон Павлович Чехов являлся для нас самым близким и понятным, вот почему в день, когда 25 лет отделяют нас от его юбилейной даты, хотелось бы установить в памяти некоторые моменты его литературной деятельности, которые, как будто, еще более роднят нас с ним.

Обычный удел русского писателя — литературная необеспеченность; не исключая этой участи и Антон Павлович.

Его произведения оплачивались скудно, а в первое время их совсем не хотели печатать.

Часто редактор, не поверивший даже голому, говорит: «Не пиши».

— Что? Это называется произведением? Да, ведь, это короче обыкновенного воя. Нет, нам таких вещей не надо!

«Слишком одиозно», «паричишник», так и острелил, — вспоминает Чехов: «Эх вы, Чеховы! Должно быть, это было так».

«Сладкий сон! Только тем и сплю, что повторяет всем наедине тем же» (Почтовый ящик).

«Не раскрыв, узнаете. Очень больно писать без критического отношения к своему делу». (Там же).

Характеристика, как видите, — минимал; если сопоставить с тем, что имя Чехова известно теперь всем, отношение к начинающему писателю не делает чести редакторской прозорливости.

«Открыл» его, как Чехов любил говорить, Григорьевич; он оценивал его усиленно Суворова и до известной степени отдал дорогу и в толстые журналы.

Вот как А.П.Чехов в письме к другу, с присущим ему юмором, описывает прием у Суворова:

«Пошел в «Новое Время», где мы принят Суворовым. Он очень любезно меня принял и даже руку подал».

— Старайтесь, молодой человек! — сказал он. — Я вами доволен. Но только почаще в церковь ходите и не пейте водки... Дыхайте воздухом».

Чехов, не услышав запаха, повернулся и ушел: «Мальчишки!»

«Маленький мальчик, которому было приказано подать чаю в прихожую и без бутелечек...»

За сим Суворов дал Чехову денег и сказал:

«Нало бирочку денег. Подходите бирки!»

Этим живым и заразительным юмором, проникнуты многие его произведения. Зачастую впоследствии, слушая давно забытые рассказы свои, автор смеялся своим детским непосредственным и нравственным смехом.

Однажды А.П. поспорил с А.Д. Курениным, редактором «Будильника». Последний доказывал, что русские писатели тенденциозны и не умеют писать легко и занимательно для публики.

Чехов принял вызов. Возникло литературное пари, плодом которого появилась «Неужная Победа».

Посыпались восторженные письма читателей с просьбой поместить еще произведение того же автора. А.П. выиграл.

Тяжелые и радостные переживания соединены у Чехова с его пьесами.

Его первый опыт в этом направлении была, невиденная света драма, посланная им для бенефиса Ермоловой, ею не принятая и разорванная автором на мелкие кусочки.

Легко излагая сюжеты для рассказов, затрачивая на них в некоторых случаях не более 10—15 минут, он с напряжением работал для театральных постановок.

Его путь посредник-актер, который должен был воплотить его замысел.

Еще в свое время Гоголь сказал, что самое тяжелое — изображать, а еще, пожалуй, труднее переложить повседнежность. Этим, главным образом, объясняется первоначальный неуспех постановок Чехова на сцене.

Талантливый Станиславский сам сознался, что спектакль имел средний успех («Вишневый Сад»), ибо актеры не сумели показать наиболее важное, прекрасное и ценное в пьесе. Он же говорил, что пьеса для постановки трудная, ибо ее прелесть состоит в неувязном глубоком скрытом аромате.

«Иванов» был принят критикой недобросовестно, публикой — спорно, а «Чайка» провалилась. В «Московском Листке» была рецензия Петра Кичеева, который охарактеризовал ее, как «нагло-пиничную» и назвал «без-

нравственным дребеденью».

Мы приведем выдержки из двух рецензий о постановке «Чайки» в «Александринке», а затем «художниками».

«Начало прошло хорошо — спокойно».

Аплогизментами, как всегда, встретили Комиссаржевскую. Но вот она начала читать проникновенным своим голосом в глубине сцены свой знаменитый монолог... Люди орлы, люди, ротатые олеи и т. д.... Внизу, как раз над нашей ложей раздался какой-то дурацкий смех. Смех раздался в другом месте и стал усиливаться, в театре начался какой-то хаос: одни смеялись, другие шикали. Получился формальный кавардак. Несчастный автор до окончания ушел из ложи. Был один сплошной ужас».

А вот другая выдержка:

«Первые два акта прошли. Мы ничего не понимали. Чувствовалось недоумение в зале, беспокойство, даже слышались протесты. Ждали третьего акта. По окончании всё слилось в одно сумасшедшее ликование зрительного зала и сцены. Требовали послать телеграмму Чехову в Ялту. И «Чайка» и Чехов-драматург были реабилитированы».

Трудно прокладывать новые пути. И за эту неблагодарную роль взялся Чехов и он достиг своей цели».

После первого представления, только отдельные лица могли сказать: это гениально! И, как мы видели А.И.Урусов, действительно, гениально, «когда в поэтическом произведении местами чувствуется глубина, недостижимая для анализа».

Затем уже все почувствовало эту живневую правду, которую дарил нам, к сожалению, так недолго, Чехов, рисуя нам жизнь такую, какою она есть на самом деле (его подлинными слова о задачах писателя-художника).

А.П., несмотря на многие неудачи, подрывавшие его некрепкий организм, сумел высоко держать свой стиль и совершенствуя свой талант, выдвинуться в ряды мировых знаменитостей.

Да будет ему земля пухом!

Н. Ф.